

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «МОСКВА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ С.Н. ДУРЫЛИНА «В РОДНОМ УГЛУ. КАК ЖИЛА И ЧЕМ ДЫШАЛА СТАРАЯ МОСКВА»

**LANGUAGE MEANS OF
REPRESENTING THE CONCEPT "MOSCOW"
IN S.N. DURYLIN'S ARTISTIC TEXT
"IN MY HOMETOWN. HOW OLD MOSCOW
LIVED AND BREATHED"**

A. Golubyatnikova (Rebrova)

Summary: The article is a study of the artistic concept of «MOSCOW» in the text of S.N. Durylin's autobiographical book «In the native corner. How old Moscow lived and breathed.» The subject of the research is linguistic means that serve as ways of representing this artistic concept at three levels of language – lexical, morphemic, and syntactic (according to the classification of representatives of the Voronezh Scientific School Z.D. Popova and I.A. Sternin). Conceptual and stylistic analysis is carried out through the study of each of the microconceptions that make up the artistic concept. Special attention is paid to the study of such linguistic means of representing an artistic concept as tropes and figures, the use of which by the author allows us to draw conclusions about the features of his idiosyncrasy.

Keywords: concept, representation of a concept, linguistic means, lexical level, morphemic level, syntactic level, expressive means.

*Голубятникова (Реброва) Анастасия Дмитриевна
Аспирант, Московский педагогический государственный
университет
nastena.rebrova@list.ru*

Аннотация: Статья представляет собой исследование художественного концепта «МОСКВА» в тексте автобиографической книги С.Н. Дурылина «В родном углу. Как жила и чем дышала старая Москва». Предметом исследования являются языковые средства, служащие способами репрезентации данного художественного концепта, на трёх уровнях языка – лексическом, морфемном и синтаксическом (согласно классификации представителей Воронежской научной школы З.Д. Поповой и И.А. Стернина). Концептуально-стилистический анализ осуществляется посредством исследования каждого из микроконцептов, составляющих художественный концепт. Особое внимание уделено исследованию таких языковых средств репрезентации художественного концепта, как тропы и фигуры, использование которых автором позволяет сделать выводы об особенностях его идиостиля.

Ключевые слова: концепт, репрезентация концепта, языковые средства, лексический уровень, морфемный уровень, синтаксический уровень, выразительные средства.

Актуальность

Актуальность исследования концепта «Москва» в художественной картине мира С.Н. Дурылина обусловлена степенью изученности как творческого наследия С.Н. Дурылина, так и самого концепта «Москва» в русской языковой картине мира. Большая часть научных трудов, посвящённых С.Н. Дурылину, раскрывает в первую очередь аспекты его богословской, искусствоведческой и педагогической деятельности, в то время как Само же понятие «концепт», которое было зафиксировано в 1928 году в статье С.А. Аскольдова-Алексеева «Концепт и слово», определившего концепт как ««мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [1, с. 267], и разграничившего понятия познавательного и художественного концепта, вошло в научный обиход лишь в середине XX века, а исследованию художественного концепта «МОСКВА» в настоящее время посвящена только одна крупная научная работа – диссертация Г.П. Корчевской «Концепт «Москва» в русской языковой картине мира и поэтическом

идиолекте М.И. Цветаевой». **Методология** исследования включает концептуальный и стилистический анализ художественного текста, методологической базой являются труды таких исследователей, как С.А. Аскольдов-Алексеев, З.Д. Попова и И.А. Стернин, Н.Н. Болдырев, О.В. Афанасьева, Е.С. Кубрякова.

Концептуальный анализ художественного текста является одним из основных методов его исследования. По мнению С.М. Колесниковой, универсальные концепты и средства их представления являются «связующими компонентами в мировой антропоцентрической системе» [8, с. 53], а концептуальное описание – средством семантической интерпретации смыслов языковых единиц и определения уровня адекватности их восприятию реципиентов в контексте русской и мировой культуры [9, с. 135 - 137].

По мнению представителей Воронежской научной школы З.Д. Поповой и И.А. Стернина концепт может быть репрезентирован в языке лексемами, фразеологизмами, словосочетаниями, предложениями, текстами и сово-

купностями текстов, то есть средствами всех уровней языка [16, с. 8 – 11].

К языковым средствам репрезентации концепта на лексическом уровне в первую очередь относятся прямые номинанты концепта, то есть ключевые слова, объективирующие концепт и составляющие ядро номинативного поля концепта – совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки, в которое могут входить ключевое слово, его синонимы, номинации разновидностей денотата концепта (гипонимов), паремии, афоризмы, фразеологизмы, устойчивые сравнения, ассоциаты [16, с. 111 – 130]. В художественных текстах лексическими средствами репрезентации концепта могут быть лексические единицы оценочного характера и тропы (эпитеты, сравнения, метафоры, перифразы, гиперболы и т.д.) [2, с. 12].

Что касается языковых средств морфемного уровня, то, по мнению Е.С. Кубряковой, «функции морфологии обнаруживаются не на уровне морфем, но на уровне целостных морфологических структур, репрезентирующих разные классы слов. Именно это связывает морфологию с фиксацией определенных структур знаний о мире и позволяет классифицировать эти структуры, осуществлять их «сортировку» и распределение по категориям. Именно связь с процессами категоризации и субкатегоризации и четкая связь этих процессов со средствами их формального выражения (причем не только внутри слова, но и с помощью парадигматических объединений) позволяет говорить о когнитивных аспектах морфологии, т.е. о том, как и в каких формах она помогает объективировать знания о мире и классифицировать его» [11, с. 25]. Морфологические преобразования могут составлять новые акценты, формировать новые «смыслы», узнаваемые читателем в процессе восприятия концепта [3, с. 36].

К средствам репрезентации концепта синтаксического уровня относятся свободные словосочетания и фразеологические единицы, залоговые конструкции, вопросно-ответные единства, различные типы предложений, выражающие определённые признаки концепта, а также синтаксические фигуры (эллипсис, анафора, эпифора, параллелизм, градация и т.д.). Также при исследовании репрезентации концептов в художественном произведении необходимо учитывать особенности композиционного построения текста, его тип, структуру, идейно-семантическое содержание [4, с. 45].

Концепт «МОСКВА» в тексте С.Н. Дурылина включает несколько микроконцептов, языковые средства репрезентации каждого из которых следует рассмотреть отдельно.

Микроконцепт «ЦЕРКОВЬ» представлен в главе «У Богоявления в Елохове», содержащей описание церковно-

го прихода, и в главе «Батюшка», посвящённой проблеме преподавания Закона Божьего в гимназиях. В главе «У Богоявления в Елохове» данный микроконцепт репрезентирован на лексическом уровне с помощью номинаций и описаний храма и его атрибутов, церковных праздников, действий, производимых при богослужении, служителей церкви и посещающих храм людей, принадлежащих к различным социальным группам: *великолепный Покровский собор, могучий, широкогласный, щедрый на зов и призыв, густой, звучный колокол, величественный храм, ударять в колокол, высокая колокольня, церковная ограда, придел, «монастырь»* (в значении «участок земли при церкви), *простой деревянный крест, храмовый праздник, светлая заутреня, Великий пост, первая, средокрестная (4-я) и Страстная неделя, раздача вербы или святой воды, христосование с духовенством, паски, куличи, яйца с зажжёнными на них свечами, разговеться яблоком, неисчислимый наплыв исповедников и причастников, торжественное богослужение, простой народ, мастеровые, фабричные, наряд полиции, околочный, городовые, церковный староста, дама в чернубурой лисьей шубе или ротонде, воры, причт, нищий, настоятель, «ранний батюшка», простонародье, духовенство, пара за парю новобрачных, богатых и бедных). На морфемном уровне прилагательное с лексическим повтором *полным-полна* по отношению к церкви, сложное слово *многолюдство*, а также форма множественного числа числительного (*тысячи молящихся, тысячи трёхкопеечных и пятикопеечных свечей*) указывает на количество прихожан, а наречие *преблагополучно* с приставкой со значением высшей степени качества используется для описания действий воров. На синтаксическом уровне «расщепление» фразеологизма *яблоку – да не крутобокому антоновскому, а маленькому китайскому – негде было упасть*, синонимические ряды *плечо с плечом, грудью в спину, спиной в грудь и сжимала, давила и теснила* и ряд придаточных частей *свечи чадили и гасли от спертого воздуха, капало с потолка, со стен текло*, относящиеся к одной главной части *теснота была так велика* сложноподчинённого предложения указывают на количество посетителей храма; синтаксическая вводная конструкция с восклицательной эмоциональной окраской *легко сказать, 1000-пудовый!* является способом выразить удивление автора размером колокола; ряды однородных членов *в армяках, в чуйках, в высоких сапогах, с волосами в скобку, густо промасленными деревянным маслом, все в цветном, в розовом, в палевом, а кто постарше – в густо-синем* (в «кубовом», как тогда называли) либо в *тёмно-малиновом, то с одним, то с другим* *встречным, знакомым и незнакомым* конструкция *от первостатейных богачей до обитателей углов в сырых полуподвалах на Немецком рынке* и анафора *шли девушки и женщины в пестрых платьях, в шелковых платках или полушалках, шли мастеровые в новых чуйках и расшитых рубахах* подчёркивают широту круга прихожан церкви. Глава «Батюшка» посвящена преподаванию За-*

кона Божия. Значимость данного предмета подчёркивается через определения *очень важный* (по отношению к самому предмету) и *важный и влиятельный* (по отношению к преподавателю) на лексическом уровне, использование глагола с приставкой со значением неполноты действия *приотворяла* (в контексте *двойка же по Закону Божию <...> приотворяла перед ним [учеником] дверь на недобровольный выход из гимназии* проявляется значение незаметной с первого взгляда, но неминуемой опасности) и противопоставление существительных *благонадёжность* и *неблагонадёжность* посредством использования приставки *не-* на морфемном уровне, использование конструкции *все должны знать Закон Божий на «отлично» на то он и Божий Закон* (праведный человек соотносится с отличником в школе) на синтаксическом уровне. Противопоставление учителей Закона Божия (представленных номинациями *батюшка, католический патер, лютеранский пастор, армяно-григорианский священник*) и так называемых «преподавателей учебного предмета» синтаксически выражается с помощью анафоры и антитезы: *Те – преподавали, объясняли, задавали и спрашивали уроки, ставили отметки, карали оставлением после уроков и т.д. Эти – как духовные наставники, не преподавали, а по мере сил вводили питомцев в жизнь своей веры.* В тексте также представлены номинации и характеристики знаний и умений гимназистов, а также действий, обязательных для выполнения ими: *знал главные церковные службы, помнил наизусть ектении и возгласы и важнейшие песнопения, «учение о богослужении», заучивать наизусть просительные и сугубые ектении, возгласы и усваивать по книжке порядок богослужения, обязательное хождение в гимназическую церковь, демонстрировать свою примерную богобоязненность и благовольность, говеть непременно в гимназической церкви, стало быть, исповедоваться у своего законоучителя.* О катехизисе Филарета автор высказывается отрицательно с помощью метафорических синтаксических конструкций, некоторые из которых выражают противопоставление (*вместо благоуханного букета из живых цветов <...> получился сухой гербарий из мёртвых их трупов, он [батюшка] старался, где мог, показать нам живой цветок с полевым его ароматом, тогда как преосвященнейший ботаник [Филарет] предлагал нам только бездыханный труп этого цветка,*) и художественных определений на лексическом (*холодная сухость, жестокая схоластическая отвлечённость, жёсткая казуистика, чудовищные выводы, порочная логика, духовная муть, уличённая ложь*), морфемном (*лжеоправдательная логика, мниморелигиозная казуистика*) и синтаксическом (*Филарет уверенной рукой сорвал библейские розы Сарона, белоснежные евангельские лилии Галилеи, уединенные цветы пустынной Фиваиды, все это положил под тяжкий пресс казенной схоластики, подверг рассудочной систематике*) уровнях. Образ Иоанна Иоанновича Добросердова, который позиционируется как эталон православного священника, представлен

номинациями духовного звания *законоучитель гимназии, архимандрит, Московский синодальный ризничий, епископ Можайский, викарий Московской митрополии, архиепископ Кавказский и Ставропольский*, перечисленными в одном предложении, что указывает на разную образную деятельность этого учителя, а также авторскими неологизмами морфемного уровня (*утишить, теноро-бас, архиерейство не оледенило и не окаменило его*), противопоставлением, выраженным посредством использования приставки *бес-* (*променял спокойное место синодального ризничего на беспокойное положение архиерея*), использованием ряда однородных членов *хотел бы внести что-то живое, свежее, искренне в своё дело, мы батюшку любили – все без исключения любили: «атеисты», шалуны, озорники, ни на кого не никогда не донёс директору, никого не отправил к инспектору, никому не испортил балла в поведении.*

Микроконцепт «СЕМЬЯ» представлен во второй части книги «Родные тени», посвящённой родным и близким автора. Главы, входящие в эту часть, содержат в своих названиях номинации членов семьи С.Н. Дурылина: «Бабушка и мама», «Отец», «Рождение. Кормилица», «Няня Пелагея Сергеевна». Для воссоздания образов «родных теней» и описания своих детских воспоминаний, связанных с семьёй, С.Н. Дурылин использует средства всех уровней языка: метафорические номинации лексического уровня (*сокровище любви, тёплое попечение, золотые россыпи любви*), ряды однородных членов (*радость поглощает ребёнка всего, всецело, безраздельно, хоть и бессознательно*), авторские неологизмы морфемного уровня (*томнотревожное замирание сердца*, эпитет *богоязвенный*, противопоставленный слову *богобоязненный* (разница между истинно благочестивым отцом и религиозными ханжами)), риторические восклицания («А сколько было радости от этой живой сказки!», «Как легко и широко развёртываются страницы прошлого, на которых написано имя няни!», «Мне так хорошо, так хорошо!») синтаксического уровня, синтаксическую конструкцию с аккумуляцией (*Глаза её и спрашивали, и говорили, и успокаивали, и ласкали, и благословляли нас* – о последних часах жизни матери). Выразительные средства, использованные автором, также относятся к разным уровням языка разных уровней языка – это метафоры (*мать заронила в фундамент, чертёж строения жизни сына зёрнышко веры, которое пусть не дало и не даст ростка зелёного и высокого, но и не умрёт в душе, пока не умрёт сама душа, прикрыла крестом его бедную, запутанную и нераспутанную жизнь*), эпитеты (*мать даже в сложные жизненные периоды возносила молитвы Богу горячими, слёзными словами благодарности и не утратила надежды даже в мятежные годы юности сына, шумливой, безумной и слепой на всякий «труд и болезнь» старости*), «расщепление» фразеологизма (автор и его друзья строили *воздушные ... нет, не замки, а усовершенствованные казармы на кисельных берегах* с

молочными реками, <...> под обломками которых сама [молодёжь] же застонет и искалечит свою жизнь).

Микроконцепт «ДОМ» представлен в первой части книги «В родном углу. Как жила и чем дышала старая Москва» под названием «Родное пепелище» в главах «У Богоявления в Елохове» и «Родной дом». При изображении Елохова – малой родины автора – внимание уделяется в первую очередь описанию природы и архитектуры. Среди лексических средств, используемых для описания природы, преобладают номинанты, обозначающие растения, их цвет и запах: *столетние липы и тополя, яблони и вишни, высокие черёмухи, сплошные заросли сирени, бледнопалевый жасмин, розовый шиповник, деревенское зелёное приволье, благоухали розоватым снегом, душистый снег, золотые одуванчики, чистый аромат спелого плода*, передать восхищение автора природой также позволяют средства синтаксического уровня – риторический вопрос («Да и как не быть этой тишине, когда её питомником, как всюду, была здесь природа?») и риторическое восклицание («Сколько птиц гнездились в этом зелёном квадрате!»). Дома и прочие строения обозначены такими номинантами, как *невысокие дома, заборы, ворота старого дома, надпись на дощечке, тротуар («плитвуар» – диалектное наименование), серые каменные тумбы, керосиновые фонари, дровяной склад, особняк, окна, двухэтажный флигель, большое, двухэтажное здание, дом умалишённых, небольшой балкон, атланты, кабак, вывеска, доходный дом, просторный двор, дорожка, крошечный мосточек, колодец, курятник*, при их описании используется в основном приём олицетворения (купеческие особняки названы *кокетливо-безвкусными*, лютеранская церковь – *усталым ветераном старинной немецкой слободы*, доходные дома – *бесцеремонно, как хищники, ввалившимся в вспугнутую стаю одноэтажных домиков и домушек*, жилище угрюмого барина – *невидимки – холодным и печальным, с окнами, смотрящими тускло, хмуро, подслеповато*). Дом семьи Дурылиных автор описывает с помощью рядов однородных членов (*дом был большой, двухэтажный, старинной постройки начала XIX столетия, а может быть, и конца XVIII, поместительное, старинное, белокаменное здание, содержащее в большом чистоте и приглядности*). У дома есть *стены <...> широки, плотны, добротны, как в древнем монастыре, широчайшая русская печь [Дурылин URL]*, что вызывает ощущение постоянства, неизблемости, а также чувство защищённости (*дом был <...> строен так, будто в нём собирались не просто жить, а века вековать – посредством противопоставления однородных членов с помощью союза не просто... а, а также плеоназма (сочетание однокоренных существительного и глагола в пределах одного словосочетания)*). Дом состоит из элементов, обозначенных номинантами *толстые стены, большие окна, дверь парадного крыльца, дверь в нижнее жильё, чердак, кровля, кирпичные трубы, лестница, двенадцать комнат (передняя, зала, спальня,*

коридор, детская, столовая, гостиная). Используя при описании дома слово *комнаты*, а при описании жилища, в которое семья была вынуждена переехать после разорения, слово *комнатушки* – путём использования суффикса *-ушк-* со значением диминутивности, автор подчёркивает контраст между богатством и бедностью, защищённостью и беззащитностью.

Микроконцепт «ШКОЛА» представлен в третьей части книги «В родном углу. Как жила и чем дышала старая Москва» под названием «Гимназия», позволяющей составить представление о типичном учебном заведении конца XIX – начала XX вв. В названиях глав, включённых в эту часть книги, вынесены номинации учителей-предметников: *французы и немцы, греки и латинисты, математики, русские*, что позволяет составить представления о том, какие предметы изучались в гимназии. Историю преподавания русского языка в гимназии автор характеризует с помощью риторического восклицания («Какие имена, с каким научным блеском!») и лексических единиц с оценочной характеристикой (о серьёзных учёных, некогда преподававших в гимназии, сохранились только *поблёкшая память и выцветшее воспоминание*), латинские тексты описывает посредством использования образов различных металлов и пород, подчёркивая тем самым их художественную ценность (*железная логика Цезаря, кованая медь Ксенофонта, белоснежный мрамор Геродота, плавленное золото Цицерона*), неспособность учащихся их понимать обозначает с помощью перифразы *Немезида грамматического, только грамматического преподавания латинской литературы*, называя при этом методы учителя *человеческими жертвами, бесплодно приносимыми этой жестокой Немезиде*; предметы и явления, связанные с уроками французского, обозначены номинантами с отрицательной коннотацией – *пресно-моральный учебник, приторные параграфы, тошнотворный Марго* (учебник назван по фамилии автора). При описании педагогов С.Н. Дурылин уделяет внимание их внешности, манере поведения и профессиональным качествам, используя при этом языковые средства, обладающие как положительной, так и отрицательной коннотацией (например, симпатичный автору учитель математики охарактеризован с помощью синтаксических конструкций *корректный, выдержанный, вежливый, спокойно-уверенные движения, уважение к личности ученика <...> непоколебимо*; отличительными чертами одного из учителей французского языка были летали его внешности – *безукоризненный чёрный парик и столь же безукоризненные чёрные усы*; сочетание при описании походки учителя немецкого языка поэтизма *шествовал* со сравнением *как журавль по болотным кочкам* свидетельствует об ироническом отношении к нему автора; образ другого учителя немецкого языка, самого неприятного из всех преподавателей гимназии, соотносится с салом – автор сравнивает его голову с *толстой розово-красной колба-*

сой, а пальцы – с толстыми сосисками, обращает внимание на такие особенности его внешности и поведения, как *заплывшие салом глазки и сальная речь*, использует глагол *салилось* в качестве главного члена безличного предложения (*всё у Позеверка салилось*) и словосочетание *пустил своё сало* в значении «пошутил над учеником», особенности преподавания ещё одного учителя немецкого языка автор описывает с помощью метафор, связанных с образом воды, тем самым подчёркивая обилие и бессмысленность его речей (*настоящий водолей, изливать потоки пустейших словоизвержений, морально-патриотическое водолейство, журчанье моральных ручьёв, со страницы на страницу переливалась приторная до комизма водица, подслащенная сентиментальным сахарком*). Поведение учеников С.Н. Дурылин характеризует с помощью сравнения и редупликации (*мы, как ваньки-встаньки, вставали и садились, вставали и садились*), перифразы (*маленький Молчалин* (о подлизах)). С воспоминаниями о гимназии связан также образ друга автора, при описании которого С.Н. Дурылин использует большое количество метафор, связанных с образом дерева (*драгоценное розовое дерево, которым жизнь и время истопили печку* (о судьбе друга), *растил дерево своей мысли и не хотел открывать его никому, пока оно было зерном, ростком, побегом, тонким стволом, ждал, пока оно будет крепко корнем, прочно и могуче стволом, широко и высоко раскидисто благородной дубовой листвой, растил и растил дуб свой, и только смерть прервала навсегда его рост, в этот дуб уходили все соки его мысли, все питательные соли изучения философов всех времён, рождение дуба не делало его – как многих – только садоводом или даже дубоводом, топка печки красным деревом* (о жизненных неудачах)). На лексическом уровне друг охарактеризован номинантами личностных качеств и увлечений (*любовь к природе и охоте, нежность, восприимчивость к искусству, любим и уважаем, учился превосходно, интересы к литературе, философии и музыке, ходил в симфонические концерты, окончил гимназию с медалью, человек широчайших интересов, жизненных и эстетических, тонкий ценитель и знаток в поэзии и музыке, не был ни эстет, ни декадент, блестяще окончил университет, не знал женщин до брака*). На синтаксическом уровне важность дружбы для автора подчёркивается повтором глагола *кончиться* в качестве однородных сказуемых и сказуемых в основе частей сложного предложения: «Апрель» этот кончился давным-давно для всего – не кончился он только для нашей дружбы. Она и не кончилась, и не кончится, хотя В. В. давно в могиле». С.Н. Дурылин сомневается, что дружба имеет такое же важное значение для людей, как и во времена их с Волей молодости, что выражено использованием форм глагола *быть* в форме настоящего и прошедшего времён: «Бывают – или были – поры русской жизни и культуры, когда дружба была действительным явлением в жизни, таким же действительным, как брак, смерть».

Микроконцепт «ПИЩА» представлен в главе «О хлебе насущном». Хлеб как один из символов родных мест С.Н. Дурылина описывается посредством номинантов *неимоверное количество муки, крупы и зерна, превосходный хлеб лучшей выпечки, приятный, бодрый запах теста, олицетворения (белые пасти амбаров и лабазов, «матушка-рожь» кормила всех сплошь, печь гостеприимно потчевала хозяев, а также риторического восклицания («С чем только не пекли тогда пирогов!»)*. С чаем – другим символом дореволюционной Москвы – у автора ассоциируются воспоминания не столько о малой родине как таковой, сколько о собственной молодости: «А эти самовары так памятливы своим бодрим крепким чаем и своим ещё более бодрим юношеским бурлением и шумением: под их шум так хорошо бурлила и шумела наша не очень рассудная, но честная юность» (в этом предложении использован лексический повтор – использование глаголов *бурлила* и *шумела* по отношению к юности и отглагольных существительных *бурление* и *шумение* по отношению к самоварам подчёркивает соотношение этих понятий в памяти автора). Немецкий рынок С.Н. Дурылин характеризует с помощью противопоставления друг другу рядов однородных членов, что указывает на компенсацию положительными качествами отрицательных: *шумно, гамно, тесно, грязно, юрловато, а иной раз воровато, но зато всем доступно, всем обильно, сытно, сочно, маслено, дешёво* (использование в этих словах суффиксов наречий вместо окончаний прилагательных, относящихся к покупателям и товарам, позволяет лучше передать общую атмосферу рынка). Каждый из товаров, продававшихся на рынке, вызывает у автора особые ассоциации, для передачи которых он использует большое количество средств художественной выразительности (при описании мяса используются сравнения и эпитеты, обладающие отрицательной коннотацией (чурбаны для разрубки туш напоминают *кровавые плахи для казни преступников*, дичь лежит на полках, *как на тесных нарах в ночлежном доме*), для описания рыбы используются нейтральные сравнения (*острейшие, как иглы, носы осетров*), эпитеты (*грузные белуги, розово-жёлтые сёмги*), олицетворения (*смирненная московская плотва, уроженица Оки или Волги* (о стерляди), *рыбий народ*), метафоры (*стерлядь извивалась кольцом, чёрный жемчуг икры*), при описании масла автор использует гиперболизированные сравнения, чтобы подчеркнуть его количество (*круги масла, точно жернова с неведомой мельницы, исполинские плиты-кирпичи сливочного масла, будто выточенные из слоновой кости, запасы для великанов, глотающих масло глыбами*)).

Микроконцепт «ПРАЗДНИК» представлен в главах «Круглый год. Мамины именины». «Круглый год. Рождество» и в приложении «Новый год». Духовное значение церковных праздников для автора выражено через большое количество номинаций религиозной символики: *именины мамы, 22 декабря, день великомученицы*

Анастасии Узорешительницы, святыня из Успенского собора, икона мамина ангела – великомученицы Анастасии, восковая свеча в маленьком подсвечнике, молебный стол, белая фаянсовая чаша для водосвятия, ладан в фарфоровой чашечке, древняя Влахернская икона Божией Матери, покрытый пеленой ковчег, золотые ковчежцы с Гвоздём Господним, створчатый складень с частицею Ризы Господней, покрытый эмалью большой древний крест с частицею Животворящего древа, на которую, по преданию, капнула кровь Христа, молебен Господу Христу, Пресвятой Богородице и великомученице Анастасии, водосвятие по особому чину. При описании празднования Рождества ряд однородных членов приказчики, почтальоны, городовые, полотеры, трубочисты, ночные сторожа, городские артельщики, богадельки, извозчики, банщики и банщицы, водопроводчики, водовозы, белошвейки, монашенки, сапожники, булочники, разносчики и просто люди; их никто не знает и не помнит, но это не мешает им приветливо поздравлять отца и мать позволяет составить представление о количестве празднующих, что подчёркивает важность праздника для населения Москвы; в тексте присутствует также большое количество риторических восклицаний: «Даже педагоги!», «Домой, домой!», «Как тяжело и обидно было его [молебен] выстаивать!», «Как радостно было возвратиться в дом, где всё проникнуто было праздником!», «Чего-чего не было на нашей ёлке!». *Великое, светлое, таинственное Рождество* противопоставляется *пустой новогодней ночи с её неверным и неблагодарным приветствием.*

Среди использованных С.Н. Дурылиным языковых средств репрезентации концепта и микроконцептов имеет место большое количество выразительных средств. Согласно классификации К.С. Горбачевича [5, с. 6], в тексте С.Н. Дурылина преобладают индивидуально-авторские эпитеты, однако встречаются и общеязыковые. Например, эпитет *зазывно-вкусные голоса* является индивидуально-авторским, а эпитет *золотые одуванчики* – общеязыковым. Метафоры, встречающиеся в тексте С.Н. Дурылина, иллюстрируют каждую из тематических групп, выделенных В.П. Москвиным: антропоморфные (*хромал по-немецки то на одну, то на другую ногу и поэтому нуждался в этих костылях [справочниках]* – знание немецкого языка сравнивается с описанием походки человека), зооморфные (*злая щука* *вовсе не поела на педагогическом совете бедных мелких пескаришек-гимназистов и проказливые пескаришки уцелели в гимназическом пруду* – о взаимоотношениях учителя и учеников), флористические (*вместо благоуханного букета из живых цветов <...> получился сухой гербарий из мёртвых их трупов* – о преподавании Закона Божьего), пространственные (*неисчислимый наплыв исповедников и причастников*). Сравнения можно условно разделить на употребляющиеся всеми носителями русского языка, некоторым из кото-

рых он придаёт новый оттенок значения (например, с помощью сравнения *похож на длинную, тонкую запяную С.Н. Дурылин* описывает внешность учителя, в то время как в «Словаре сравнений русского языка» В.М. Мокиенко сравнение *задираться как запятая* приведено как характеристика личностного качества человека), и индивидуально-авторские (например, сравнение запаха бабушки с *запахом вечернего гелиотропа, уже окропленного закатной росой*).

Таким образом, концепт «МОСКВА» представлен средствами всех уровней языка, в том числе большим количеством тропов и лексических единиц оценочного характера. Микроконцепт «ДОМ», включающий в себя описание мест, где родился и вырос автор (их С.Н. Дурылин индифференциально называет «родным пепелищем»), и связанных с ними впечатлений, картин природы, архитектурных строений, которым приписываются человеческие качества, дома, где прошло детство автора, и его интерьера (каждая деталь интерьера вызывает у автора определённые чувства, которые он выражает с помощью эпитетов и сравнений). Микроконцепт «ЦЕРКОВЬ» представлен описанием церкви Богоявления в Елохове и проводившихся в ней служб, образами священников, описанием религиозного чувства автора и его рассуждений о восприятии учения Христа людьми (в частности, учебника, по которому предлагалось изучать Закон Божий). Рассуждения автора о проблеме религии в обществе сопровождаются использованием приёма антитезы (формализм противопоставляется искренней вере). Микроконцепт «ПИЩА» содержит описание продуктов, символизирующих быт и нравы Елохова посредством сравнений, олицетворений, развёрнутых метафор и эпитетов. Микроконцепт «ПРАЗДНИК» в основном содержит описание детских впечатлений автора, вызванных традициями и обрядами. Микроконцепты «СЕМЬЯ» и «ШКОЛА» представлены образами членов семьи С.Н. Дурылина (бабушки, мамы, отца и его детей от первого брака, кормилицы, няни и её семьи), образами учителей и образом друга автора. Родственников автор характеризует с помощью описания их внешности и черт характера, а также предметов, которые у него с этими людьми ассоциируются. При описании учителей С.Н. Дурылин уделяет внимание их внешнему облику, личным и профессиональным качествам. При характеристике друга автор рассуждает о превратностях судьбы, используя образ дерева как символ человеческой жизни. Прочие люди, упомянутые С.Н. Дурылиным, предстают как персонажи одной черты.

Среди используемых выразительных средств преобладают индивидуальные, отражающие сугубо личные представления автора об окружающем мире, описываемых им людях и событиях. Общеупотребительные же тропы С.Н. Дурылин наделяет новым, не воспринимаемым другими носителями языка оттенком значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997.
2. Афанасьева О.В. Особенности лексической репрезентации художественного концепта / Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвящённая 200-летию Казанского университета (Казань, 4 – 6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 43–44.
3. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
4. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н.С. Болотнова; Под ред. С.В. Сыпченко; Том. гос. пед. ин-т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 309 с.
5. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского языка / К.С. Горбачевич, Е.П. Хабло. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1979. 567 с.
6. Дурьлин С.Н. В родном углу. Как жила и чем дышала старая Москва. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/book/sergey-nikolaevich-d/v-rodnom-uglu-kak-zhila-i-chem-dyshala-staraya-moskva-26051608/> (дата обращения 15.02.2026).
7. Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы / Н.А. Кожевникова. М.: Знак, 2009. 896 с.
8. Колесникова С.М. Смыслообразующие начала понятия семья в русской лингвокультуре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. № 5. 2018. С. 53–59.
9. Колесникова С.М. От смысла к тексту: лингвокогнитивное исследование: монография / С.М. Колесникова. М.: МПГУ, 2023. 240 с.
10. Корчевская Г.П. Концепт «Москва» в русской языковой картине мира и поэтическом идиолекте М.И. Цветаевой: дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Владивосток, 2002. 249 с.
11. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты морфологии // Язык: теория, история, типология / Под ред. Бабенко Н.С. М.: Эдиториал УРСС. 2000. С. 22–27.
12. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка: 11000 единиц / В.М. Мокиенко; С.-Петерб. гос. ун-т. Межкафедр. словарь. каб. им. проф. Б.А. Ларина. СПб.: Норинт, 2003 (ГПП Печ. Двор). 603 с.
13. Москвин В.П. Стилистика русского языка: Приёмы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград: Учитель, 2000. 198 с.
14. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1999. 30 с.
15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.

© Голубятникова (Реброва) Анастасия Дмитриевна (nastena.rebrova@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»